Ибрагим Рахимов

Сборник рассказов «НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ»

Ибрагим Рахимов

Сборник рассказов «НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ»

«Автор»

2025

Рахимов И.

Сборник рассказов «НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ» / И. Рахимов — «Автор», 2025

Говорят, что величие страны определяют её звёзды эстрады, спорта и медиа. Это ложь. Его определяют те, кого мы не видим. Те, кто каждую ночь спасает жизни в реанимобиле, кто в лютый мороз поддерживает тепло в наших домах, кто учит наших детей не по учебникам, а по совести, кто охраняет порядок в глухих деревнях и защищает рубежи Родины. Это не просто рассказы. Это попытка достучаться. Напоминание о том, что истинная сила — не в громких словах, а в молчаливом подвиге. Для кого эта книга: Для всех, кто хочет понять настоящую Россию. Для тех, кто еще не разучился чувствовать боль другого и верить в справедливость.

© Рахимов И., 2025
© Автор, 2025

Ибрагим Рахимов
Сборник рассказов
«НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ»

Сборник рассказов
«НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ»

Есть видимая Россия – гламурная, медийная, «успешная». И есть другая – невидимая, состоящая из людей, чьи руки, ум и совесть держат на себе первую. Сборник – это коллективный портрет этой «второй», настоящей России.

Цель: Не просто жаловаться, а показать достоинство, профессионализм и трагедию этих людей. Сделать их видимыми. Заставить читателя из среднего класса, чиновника, студента узнать в героях не абстрактных «синих воротничков», а своих сограждан, от которых зависит их собственная жизнь.

ПИР ШУТОВ.

Дымный воздух цеха был густ и знаком, как хлеб. Алексей Иванович, не включая яркого света, провел ладонью по станине станка. Холодный металл отозвался внутри него смутным теплом. Он включил локальную лампу, и та выхватила из полумрака тиски, панель управления, блестящие ручки. Здесь, в этом пятне света, он был королем и богом. Его мир был миром точности до микрона, мира, где слово «нельзя» заменялось на «надо подумать». Он взял со стола заготовку – кусок нержавеющей стали, будущую деталь для спутникового модуля. Без нее – всё это металлолом, летящий в миллиардные трубы.

В дверь постучали. Вошел мастер с виноватым видом.

–Алексей Иваныч, к шефу. Срочно.

Директор завода «Вектор», Сидоров, сидел в своем кабинете под портретом не то основателя, не то нынешнего президента. Лицо его сияло.

–Алексей Иванович! Наш золотой фонд! – начал он пафосно. – Выпала нам честь высочайшая. Не меньше!

Оказалось, что некий «медийный артист первой величины», Марсель Воронов, построил себе хоромы, а в них лифт итальянский встал. Деталь уникальная, сломалась, ждать месяцы. А у «артиста» день рождения, пир на весь мир. Кто-то из спонсоров, «друзей завода», ляпнул, что у нас, на «Векторе», руки такие, что и иголку в стогу найдут. В общем, езжай, Алексей Иваныч, спасай престиж. Заказ срочный, гонорар личный, от него самого.

Алексей молча слушал, глядя в окно на заснеженные крыши заводских корпусов. Ему было пятьдесят пять. Он точил детали для ракет, которые летали к звездам. А теперь ему приказывали ехать чинить лифт какому-то певцу. Унижение подкатило комком к горлу.

–У меня, Пётр Николаич, план…

–План подождет! – отрезал директор. – Это – стратегия. Пиар. Можешь представить? Нас заметили! В верхах!

Алексей представил. Представил лицо жены, когда он принесет деньги. Не жалкую зарплату, а настоящие деньги. На операцию внуку, которую они копили годами. Он кивнул.

–Хорошо. Поеду.

—

Дорога на электричке была похожа на путешествие в другой мир. Его мир кончался за проходной завода. Дальше были уродливые спальные районы, ржавые гаражи, грязный снег. Потом – дачи, уже побогаче. А потом его встретила черная, лакированно блестящая иномарка с тонированными стеклами.

– Садитесь, Алексей Иванович, вас ждут, – сказал водитель в форме, глядя на него с лёгким любопытством.

Они ехали через лес, где сосны стояли как на параде, а потом за высоким забором открылась та самая «вилла». Дом был похож на замок из плохого исторического фильма – башенки, витражи, позолота на фонарях. Воздух пах не выхлопами и зимней свежестью, а каким-то сладким, дорогим парфюмом.

Его провели не в дом, а в пристройку к гаражу, где уже стоял его верный станок, бережно доставленный с завода. Рядом лежала сломанная деталь от лифта – сложная, капризная фигурная штуковина. Алексей снял рабочий пиджак, надел халат. Включил станок. Знакомый гул успокоил нервы. Он начал работу.

Через час в его убежище ворвался шум. Распахнулась дверь, и в помещение, словно порыв ветра, влетела ватага ярко одетых людей. В центре был он – Марсель. Худой, ухоженный, в шелковой пижаме, хотя на дворе был день. Его глаза блестели веселым возбуждением.

– Ну что, мастер? – громко, на весь гараж, крикнул он. – Воскрешаешь железяку? Респект! Ребята, смотрите, это же настоящий аутентичный пролетарий! Прямо как в музее!

Толпа захихикала. Кто-то достал телефон, чтобы снять. Алексей не отрывался от станка, только пальцы его, держащие резец, побелели от напряжения.

– Я не мешаю? – с наигранной заботой спросил Марсель, подходя ближе. – А то давай я отвернусь, а то ты, наверное, секреты свои боишься показать?

Алексей выпрямился. Выключил станок. Внезапно наступившая тишина оглушила. Он медленно повернулся к «артисту». Он смотрел на него не с ненавистью, а с бесконечной, копившейся годами усталостью.

– Нет, – тихо, но очень четко сказал Алексей. – Секретов нет. А мешаешь. Как и всегда мешали.

Марсель опешил. Усмешка сползла с его лица.

–Чего? – выдавил он.

– В древности, сынок, – голос Алексея зазвучал металлом, – таких как я, звали мастеровыми. А таких как ты – шутами.

Наступила мертвая тишина. Слышно было, как за окном щебечет какая-то птица.

–Мастеровой кормил и одевал царя, – продолжал Алексей, глядя прямо в камеру телефона. – А шут его только развлекал. Без шута скучно. Без мастерового – голодно и холодно. И самое главное… – он сделал паузу, давая словам улечься, – царь это всегда понимал. А вот нынешние цари, видно, забыли.

Он повернулся, снова включил станок. Гул заполнил пространство, вытесняя неловкость. Марсель, багровея, что-то прошипел и, развернувшись, вытолкнул свою свиту из гаража. Шоу было испорчено.

Алексей закончил работу к вечеру. Деталь блестела, как зеркало. Он отнес ее в дом, где уже гремела музыка и слышался взрывной смех. В огромной гостиной, похожей на ночной клуб, Марсель, уже одетый в дизайнерский костюм, принимал гостей. Увидев Алексея, он фривольно махнул рукой продюсеру. Тот достал толстый белый конверт.

– От Марселя. Твоя работа стоит того, – сказал продюсер, сунув конверт Алексею в руки.

Алексей взял. Не взвешивал на вид, не пересчитывал. Просто сунул в глубокий карман халата.

–Скажи ему, – тихо сказал он продюсеру, – что лифт исправен. Может ехать. Вверх.

Он вышел на холодный воздух. Шофер снова повез его к воротам. На выезде, у шлагбаума, он увидел огромный рекламный щит. На нем улыбался сам Марсель. А внизу, мелким шрифтом, была надпись: «Лицо Всероссийского форума «Труд. Квалификация. Будущее».

Алексей фыркнул и закрыл глаза.

Дома его ждала жена, Валентина. Он молча отдал ей конверт. Она раскрыла его, ахнула.

–Леша… Это же… На операцию… И еще останется!

Он только кивнул, снял грязную одежду и пошел мыть руки. С мылом, под струей горячей воды, счищая с пальцев въевшуюся заводскую грязь и стружку. Он смотрел, как черные потоки сбегают в слив, и думал.

Он вышел на кухню. Валентина уже поставила на стол простой ужин. Картошка, котлета. Он сел. Включил телевизор. Шла развлекательная программа. Ведущий, блестя зубами, объявлял:

–А вот и наш гость – кумир миллионов, человек-эпоха, великий артист Марсель! Встречайте!

На экране появился он. Улыбающийся, сияющий. Рассказывал о своей новой песне, о творческих муках, о любви к поклонникам. Ни слова о лифте. Ни слова о старом токаре в гараже.

Алексей взял вилку. Посмотрел на экран. На это самодовольное, пустое лицо. На этого «шута», которого страна почитала за героя.

И вдруг он понял. Понял самую страшную вещь. Проблема была не в Марселе. Марсель был лишь симптомом. Проблема была в них. Во всех, кто молчал. Кто позволял. Кто, стиснув зубы, чинил лифты в их золотых клетках, чтобы им было удобнее подниматься на свой пир во время чумы.

Он доел котлету. Выключил телевизор. В тишине кухни было слышно, как за стеной плачет внук.

Валентина спросила:

–Ну как там, у этого… певца? Красиво?

Алексей посмотрел на свои руки. Руки, которые могли создать всё что угодно. И которые были нужны только для того, чтобы обслуживать чье-то тщеславие.

– Да, – тихо ответил он. – Очень красиво. Прямо как в сказке.

Он встал, подошел к окну. За ним был его город. Его страна. Страна, где шуты стали царями, а мастеровые – прислугой. И он знал, что завтра утром он снова пойдет на завод. Будет точить свои детали. Потому что другого дела он не знал. И потому что кто-то же должен держать на своих плечах этот мир, пока другие на нем пируют.

Но в его молчании, в его смиренном возвращении к станку, была страшная, невысказанная угроза. Угроза того дня, когда мастеровые устанут. И тогда пир шутов закончится. Навсегда.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК.

Село Высокое было похоже на угасающую свечу. От былого колхозного величия остались щербатый асфальт, покосившиеся заборы да ржавые корпуса ферм. И школа. Двухэтажная, кирпичная, когда-то белёная, а теперь серая, как осеннее небо. В её стенах теплилась жизнь.

Марья Ивановна стояла у окна в учительской и смотрела на пустынную улицу. За её спиной висел портрет Толстого, по углам лежали стопки тетрадей, пахло мелом и старыми книгами. Ей было пятьдесят три, но в этом кабинете, с этими книгами, она чувствовала себя ровесницей и Толстому, и этим стенам. Она была учителем. Последним учителем русского языка и литературы в Высокой школе.

Дверь со скрипом открылась. Вошел директор, Виктор Степанович, бывший учитель труда, а ныне – главный по закрытию. Лицо его было похоже на помятый лист бумаги.

–Марья Ивановна, готовы? – спросил он, избегая её взгляда. – Комиссия из районо будет через час. Сергей Петрович Лисицын лично.

Марья Ивановна кивнула, не оборачиваясь. Лисицын. Тот самый, который три года назад на совещании сказал: «Неэффективные малокомплектные школы – пережиток аграрной эпохи». Для него Высокое было строчкой в отчёте. Для неё – вселенной.

– Они хотят посмотреть… последний урок, – с трудом выдавил директор. – Формальность, конечно. Решение уже принято. Детей повезут в райцентр. Интернат.

«Интернат», – мысленно повторила Марья Ивановна. Это слово звучало для неё как «казённый дом». Сиротство при живых родителях.

– Я готова, – тихо сказала она.

Через час в кабинет вошли они. Сергей Петрович Лисицын, упитанный, в дорогом костюме, от которого пахло дорогим парфюмом. С ним – две молодые девушки из аппарата, с планшетами в руках. Они сели на последнюю парту, отряхнулись. Их присутствие казалось инородным телом в уютном, обжитом пространстве класса.

Перед Марьей Ивановной сидели семеро её учеников. От второклашки Кати до девятиклассника Витьки. Все, кто остался. Их глаза были полны тревоги. Они всё понимали.

– Здравствуйте, дети, – начала она, и голос её, обычно тихий, прозвучал на удивление твёрдо. – Сегодня у нас необычный урок. Мы поговорим не о спряжениях и не о причастиях. Мы поговорим о чести.

Лисицын на последней парте еле слышно вздохнул и украдкой взглянул на часы. У него, Марья Ивановна знала, сегодня был банкет по случаю какого-то юбилея управления.

– Что такое честь? – спросила она, обводя взглядом детей. – Витька, как ты думаешь?

Витька, долговязый парень, будущий тракторист, а пока – главный защитник малышей в школе, смущённо потупился.

–Ну… это когда не подводишь. Держишь слово.

– Верно, – кивнула Марья Ивановна. – А ещё, честь – это память. Память о том, кто ты и откуда. Ваша честь, дети, – в том, что вы – последние дети села Высокого. Вы – его голос. Его память.

Одна из девушек с планшетом что-то быстро застучала по клавиатуре. Лисицын смотрел в окно, где начинал накрапывать дождь.

– Ваша родина, – продолжала учительница, и голос её зазвучал пронзительно-ясно, – не в Москве, где снимают сериалы и дают премии. Не в том райцентре, куда вас повезут. Ваша родина – вот здесь. Эти поля. Эта речка. Эти стены. И если вы её покинете, если вы забудете её – её не станет. Окончательно.

Она подошла к карте России, висящей на стене. Карта была старой, ещё советской. Она ткнула пальцем в крошечную, почти невидную точку.

–Вот оно, Высокое. Его нет в новых атласах. Его почти нет в интернете. Но оно есть, пока о нём помнят. Пока вы помните.

В классе стояла абсолютная тишина. Даже Лисицын перестал смотреть на часы. Он смотрел на эту женщину, на её простенькое платье и седые волосы, и что-то в его сытом, спокойном мире пошатнулось.

– Быть честным – значит не предавать. Не предавать свою землю. Своих родителей. Свою совесть, – говорила Марья Ивановна, и слёзы медленно текли по её лицу, но она не обращала на них внимания. – Вас будут уговаривать, что там, в городе, лучше. Что здесь – глушь, что здесь нет перспектив. Не верьте. Перспектива – это не там, где много денег. Перспектива – это там, где тебя ждут. А вас здесь ждут. Эти поля ждут ваших рук. Эта школа… – голос её дрогнул, – эта школа ждала ваших детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.